Руcская
зарубежная
поэзия

—1—

Аглая Шишкова

ЧУЖЕДАЛЬ

стихи

«Посев»
1953

Аглая Шишкова

ЧУЖЕДАЛЬ

стихи

— Посев —
1953

* *
*

На опушке, за пропашинкой —
Купол в липовом плену.
С богомолкою-монашенкой
Я в часовню загляну.

У холодного подножия
Прислоню и свой венок:
Помоги мне, Матерь Божия,
В бездорожии дорог...

Чтоб нечаянной развязкою
Утолилася печаль,
Чтоб Твоей согрелась ласкою
Для бездомной ч у ж е д а л ь.

НОЧЬЮ

Ночь на чужбине. Тишина.
Спит небо, звездной россыпью согрето.
Ах, почему душа до дна
Иною тишиной полна,
Иною россыпью — не этой!

А этим я чужая. Пусть!
Вот погадаю, сидя на постели,
Чтоб карты ледяную грусть
Обманом ласковым согрели.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Я не выйду к тебе, любимый,
Когда утром, в рассветную тишь,
Ты пройдешь по дороге мимо
И в калитку мою постучишь.

Я не выйду вздохнуть прохладой,
Не прижмусь к тебе жаркой щекой.
Я сегодня грустна. Не надо,
Чтоб ты видел меня такой.

Почему-то тоска обуяла
По родимой стране - Голубень,
И проплакала ночь, и пала
Под ресницы синяя тень.

Знаю, сам вспоминаешь не раз: ковыль,
Золотистую степи парчу . . .
И тоской своей, месяц мой ласковый,
Я тебя огорчить не хочу.

Не скажу, что мне в ночь примечталось:
Та река (позабыть ли!). Разлив.
Синий вечер. Закатная алость.
И туман и — костер вдали . . .

Не скажу, как в ушах гармоника
Рокотала родным говорком . . .
Из окошка сквозь слёзы тихонько
Прошепчу: приходи вечерком.

РЫЖАЯ ДЕЗИ

Зажмурясь в прошлое,
я живо вижу:
наш в два окошка домик,
огород
в крапиве и репьях
и Дези рыжую
ржаным пятном
у стареньких ворот.

Ах, эта Дези!
маленькая, в горстку,
блестящеглазая,
и если кто ласкал
ее волнистую,
податливую шерстку, —
умел смеяться
мордочки оскал.

Была не зла,
не лаяла сверх нормы,
но в оккупацию
в нее вселился бес:
не выносила вовсе униформы
зеленой
и особенно — СС.

Не вымощен был переулок,
грязь ли,
иль наши колеи
им были не с руки,
но только
постоянно вязли
под окнами у нас
грузовики.

Ревел мотор,
надсаживались люди,
канат набрасывая на крюки,
и Дези,
вырвавшись,
кидалась грудью
на кованые каблуки.

А вечером
прислушивалась строго,
как по небу
шуршали облака,
и чуяла
воздушную тревогу
задолго
до тревóжного гудка.

Спала у бункера,
бросалась молодецки
на шорох
в ночь ли, в утро ли,
и чертыхались по-немецки
испуганные патрули . . .

Я знала: как-нибудь
ей воздадут с накладом
за эти партизанские грехи . . .

Убили Дези
осенью,
прикладом,
и бросили в канаву,
в лопухи.

НАЛЕТ

Прожектор нацепил на палец облака
(Чтобы видней была пропеллеру дорога),
Гудок завыл издалека:
— Трево - о - га...

Заныло в вышине и замерло внизу,
Сердца застыли в ожиданьи.
Все ближе тяжкое дыханье:
— Везу - у... везу - у...

И вот уж небосклон из края в край
Проштопали светящиеся нитки,
Отчаянно затявкали зенитки:
— Дай, дай, дай, дай!

И, словно рассердясь, что смята тишина,
Что встречен огненной порошей,
Швыряет он во мрак губительною ношей:
— Дер - ж - ж - и... Нн - а!!

* *
*

Памяти Д. А. С.

Зима. Шоссе. Асфальт разбитый.
Бессолнечного неба сталь.
На запад грузовик открытый
Рвал километры. В чужедаль!

Молчали мы. Глядели строго
Глаза. Смыкалось дней кольцо...
И падал снег. И много-много
Неслось снежинок нам в лицо.

Часы мы мчались иль мгновенья —
Кто знает! Может быть — века.
Окоченели впечатленья,
Бежали вдоль бортов селенья,
Мостом прогрохала река...

И кто-то: он ли, ты ли, я ли,
Сломав безмолвие тоски,
Шепнул: «Границу миновали».
Шепнул — и вздох зажал в тиски.

Ревел мотор. Вилась дорога.
Судьба смыкала дней кольцо.
И падал снег. И много-много
Неслось снежинок мне в лицо.

* *
*

Дорогие мои, любимые,
Где вы? что с вами? живы ли?
Дремлют горы невозмутимые,
Рыжий месяц заткнув за шиворот..

Ах, давно уже стало не новью,
Что на жизни и цен-то нет! —
Оторвали от сердца с кровью
Самое драгоценное...

Что ж, что сердце кричит о бедах,
Как вонзившийся в высь плакат, --
Этих бед никому не поведать,
Этих жалоб не выплакать.

Ну и значит броди по свету,
По распутьям судьбу таскай,
Потому что ответа нету,
Хоть до тла засоси тоска.

В синих сумерках на стихи мои
Сыплют звезды лимонный свет.
Где вы? Живы ли? Нет?
Дорогие мои, любимые...

ПУШКИНУ

Сколько слов о тебе написано!
Благодарный восторг тая,
Золотыми нитями низана
Величавая слава твоя.

И не мне, обреченной незнаемою
За родным рубежом брести,
В эту славу неувядаемую
Своего восторга вплести...

По дорогам, сквозь грохот пройденным,
По волнам, в челноке без весла,
Я тебя — как Ее... как Родину,
В чужедаль с собой унесла.

Там теперь — над родными весями —
Неприветная стелется дрожь.
На весах на дьявольских взвесили
Вдохновенье, любовь и ложь.

Сникла песнь в бормотаньи заданном,
Чья-то пасть оскалилась в глушь,
И кадят дьяволята ладаном
На развалинах вещих душ.

Ах, трудна моя стежка, не полота,
Каждый камешек — в море риф!
Отдохну у твоих — как золото —
У твоих немеркнущих рифм.

На распутья, на тропы узкие
Голос твой прилетит. — И уже
Голубые просторы русские
Расцветают в чужом рубеже.

Лес предсумеречный. Даль закатная.
Твоя осень. Твоя зима.
И душа твоя. Необъятная,
Как Отчизна сама . . .

* *
*

«А корабль уходил к весне».
А. Блок.

От неуютных, серых гаваней,
От обездоленной земли
В далекое уходят плаванье
Лазоревые корабли.

Минуя отмели туманные,
Плывут, как лебеди без крыл,
Застыли пассажиры странные
У полированных перил.

Глаза, к бескрайности прильнувшие,
Не устают туман пронзать
— Глаза, безумия хлебнувшие,
Надеждой пьяные глаза.

Волна про тайное, желанное
Лепечет нежным языком,
И чужедаль обетованная
Горит безбрежным маяком.

И погружается вчерашнее
В давно забытое т о г д а,
И сзади остаются страшные,
Разрушенные города.

ГОСТЬ

Он вошел, громоздкий, взлохмаченный,
По паркету скользя,
Сел — и воздух поплыл коньячный:
Спички зажечь нельзя...

Распластал по скатерти локти —
Чтоб устойчивей голове —
И рассыпался гулким рокотом
На певучей «мове» своей...

Про судьбу, про природу здешнюю,
Захлебнувшуюся в горах,
И что тесно здесь, как в скворешне,
И что немец — вылитый дурак:

«Пиво — квартами, шнапс — напёрстками,
Песни ихние — ухам капут,
О цю пору у нас под Хопёрском
Кавуны выспiвают в пуд»...

И такая в наивных жалобах
Человечья тоска жила...
Задремал, и рука дрожала,
Свесившаяся со стола.

Да, знакомец мой невозможный,
Неприветны наши пути,
Этот край, из кубиков сложенный,
Где ему таких приютить!

Это только одно на свете —
Степь до неба... ковыль, бахчи...
Там и лечь... где в зеленой оплетине
Дыня смуглой парчой торчит.

Чтобы вширь ли истаяла, ввысь ли
Чужедальняя маята,
Чтобы храп вот этот, немыслимый,
До родных плетней долетал.

Небо красится давленной вишней,
Ты ж лежи себе да лежи.
Кто там спросит, зачем выпил лишнее,
Почему заснул у межи?

Сыплют топотом в тишь закатную
Сквозь кудлатую пыль табуны.
Запотели росою скатной
Полосатые кавуны.

* *
*

Грусть наплыла... Шепнулась строфа.
Да полно, то грусть ли?
Как будто — ветер в саду растрепал
Кленов зеленые гусли.

И вот — тороплюсь: успею ли, нет
Услышать, поют покуда,
И в строчки собрать невнятный привет,
Невнятный привет о т т у д а.

ЦЫГАНСКИЕ НАПЕВЫ

1.

Закружилась быстро,
в пляске-соло тая,
надо мною искра
зо - ло - тая.

Кружевами вечер
оплела,
завернулась в ветер —
поплыла
дальше, дальше, брезжа чуть,
в сумрак влажный режа путь...

Над куртинкой, над сосной,
над тропинкой над лесной,
в сонный мрак, где в ночь стекает вечер,
в хвойный шлак, где ель роняет плечи,

где в лесную сырь и слизь
тени хмурые вплелись.

* *
*

Грустно ночью черной
жизни бесприютной,
догорай, костер, мой
друг минутный.

не с тобой тревогу
сбыть-забыть,
искрою в дорогу
взвиться бы,
в даль, где бродит суховей,
в степи родины моей...

По курганам по лепным,
по полянам по степным,
в тот простор, напевами обильный,
на ковер, серебряный ковыльный,

в голубую неба скать
грусть лихую расплескать.

2.

Ах зачем такие остуженные,
Тяжкие камни-слова!
Будто в небе в часы предвьюжные
Выцветает в плесень синева . . .

Я ль не чувствую, между строчек как
Притаилась обида ль, вражда ль . . .
Милый, вспомни: ведь я сироточка,
И кругом — чужедаль.

Ты ль не знаешь, что в стынь бесснежную,
На безрадостном берегу
Нашу дружбу, такую нежную,
Как бесценный дар берегу.

Эти песни, что шорох лиственный,
Не тому, не для них, не для тех —
Для тебя звучат, мой единственный,
С ветром родины прилетев.

И за сумраком, песней освеченным,
Расцветает в звуках душа,
Если ты улыбнешься навстречу им,
Значит песня была хороша . . .

3.

Вечер смуглый, вечер лунный
Бросил росы в коноплю,
Подождите, замолчите, струны,
Дайте мне пропеть: люблю.

Не тебе, неведомый-далекий,
Не с тобою разговор в тиши —
— Вечер смуглый мне целует щеки,
Дух полынный косы распушил.

Не про ласки друга ясна-сокола
Сладко сердцу загадать,
На любовь ответит — около —
— Голубая благодать...

Вся в росе тропинка тонкая,
Под луною вздохи ковыля...
Ненаглядная моя сторонка,
Степи, родина моя!...

НЕСОЛОВЬИНЫЙ КРАЙ

1.

Горные вершины
Спят во тьме ночной...
(Гете. Перев. Лермонтова)

Как это у Гете: «Горные вершины...
Горные вершины спят во тьме ночной»...
Полночь. Отшумели по шоссе машины.
Огоньки погасли. Никого — со мной.

Я окно открыла. Горные чертоги
Закрывают небо. Синий воздух. Тишь.
Городок в долине. Месяц остророгий
Зацепился в чаще черепичных крыш.

Знаю, что красиво. Кто же спорит с Гете.
Только мне — милей родная голубень.
Я бы променяла все эти красоты
На дымок по трубам наших деревень.

Нет, моя природа шире и чудесней.
Правда, гор там нету, розы не цветут,
Но простор есть взору, но полет есть песне,
И мечте раздолье, и тоске приют.

Горы меня давят. И враждою даже
Дышат неродные ветры, гонят прочь.
А куда — не знаю. А зачем — кто скажет?
Ах, как долго длится на чужбине ночь!

Тяжела ты сердцу, в н и к у д а дорога!
Разве вот надежда прояснит черты...
Как это у Гете: «Подожди немного...
Подожди немного — отдохнешь и ты».

2.

Евг. Ник. Шугаеву.

Скала поднимает на кручу громаду
Башен, вонзившихся в облака,
К берегу свесясь гранитным каскадом,
Купает в водах века.

Слов нет: всё такое могутное, древнее,
Строгое и торжественное, как мощи.
А луковки-куполочки по мне — душевнее,
Уютнее, проще...

Сердитесь? Знаю: воспето, прославлено,
Чудо-скрижали от шпица до фундамента.
Мысль глубока, а душа замуравлена:
Задавил ее камень-то!

Эта скала — что гробница литая,
Мрачен и храм с нею в купе сам.
Вы говорите: в облака взлетает?
Ну а на человека — супится.

В наших же маковках, золотых и впросинь,
Улыбчатое что-то и манящее.
Радостно так они Бога просят
За каждого проходящего...

Помните это: — куполочков стая,
Липы развесили парчу свою,
Благовест. Вечер. Стрижи летают...
Простите, знаю, что ничего не понимаю,
Но я так чувствую...

3.

Ежевик у обочин не трону,
Пусть торчат себе на виду,
По расплющенному гудрону
Как потерянная иду.

И вдали сквозь закатное рденье
Плещет, плещет морем о пляж
Все одно и то же виденье,
Все один и тот же мираж:

Расступились крутые отроги,
И за кромкой порванной гор
Разбежались родные дороги
В голубой, непочатый простор.

Рассказать вам о них возьмусь ли?
Васильками изобрызганы в синь,
В золотые усики-гусли
Им вызванивают овсы.

Росы мятные, зоревые,
Травы сладкие, как шашла.
Колеи вы мои, пылевые,
Как недолго я вами шла!

Заблудилась в родных просторах,
Оступилась в ненастную склизь,
И в чужие-чужие горы
Унесла непонятную жизнь.

Об альпийские эти пороги
Спотыкать неуютные дни.
Ах, дороги мои, дороги,
Голубые дороги мои!...

4.

На юру мой дом, мой шатер...
Долго солнце его пекло.
Нынче ветер скатился с гор,
Словно пьяный — локтем в стекло.

По наличникам ветер бьет,
Ставень вычурный с петель рвет,

Обнимает и грудь и стих
Жестким обручем, как удав...
Что сказать ему, чтобы стих?
Убежать от него — куда?

5.

Не знаю, песни весенние есть ли,
Чтобы про соловьев не роняли слов...
В этом, где я живу, месте
Нет соловьев.

Не дымится земля, не глинится,
Просыхая под серой ветлой,
Здесь весна — не как именинница,
А как дворник с метлой.

Горы вдали с голубыми откосами,
Рощи, лужайки — хоть тряпочкой протирай.
Нарядный такой, причесанный
Несоловьиный край.

Заблудилась березка в хвойном лесу,
Почками низана, малахитовыми бусками.
К ней я разлуку свою несу,
Такая березка — русская...

Возьмешь, обнимешь ее за талию —
И удержать невозможно слез.
Говорят: не хотите ли в Австралию?
Это — чтобы совсем без берез?

Солнечно, выцвечено, куда ни кинь,
Одуванчик горит как жар у ног.
Песней кропится стеклянная синь.
Ты — не с родины... жаворонок?

6.

На знойном кладбище могилы стеснены,
И памятники выросли повзводно,
И только вот под елкой, у стены,
Немножко тени, и еще свободно.

Дорожки хрусткие и розы всех пород,
Вазоны и венки, кропила и купели,
Какой торжественный гранитный огород —
Покойников зеленые постели!

Что ж, может быть, так легче отгореть,
Хотя б и в поспешившем смертном часе,
Коль есть кому могильный крест согреть,
Последнее убежище украсить?

Вот позовут — и лягу в эту тишь,
И звякнет жалостно навстречу колоколец,
Когда пересечет с веселым свистом стриж
Последний путь мой от чужих околиц.

Не возропщу тогда, что тишина — не та,
Смиренно буду ждать: вот дождик брызнет...
И, может быть, простит мне эта красота,
Что полюбить ее я не смогла при жизни.

НОВОГОДНЕЕ

1.

Нет, мысль, в бесплодности гаданий
Исчерпанная дочиста,
Для новогодних пожеланий
Не в силах разомкнуть уста!

Иль помечтать? — Мечты, ей-Богу,
Прелегкомысленный народ, —
Вперегонки, на босу ногу
Встречать готовы Новый год:

Подслушать, подглядеть, промерить
Пути, которыми итти...
Поверить? Что же, и поверить
И в легковерьи процвести.

А ты? Ты веришь ли хоть в дрёме
В рассветную, как бирюза,
Мечту о невозможном д о м е,
Родных объятьях и глазах?

— Глазах, в которых ужас вечен...
И этот ужас — потушить!
И — смыть навек слезами встречи
Боль пережитого с души!
Ты веришь?...

2.

Город вздыблен, огнист и дик.
Фейерверк над крышами пляшет.
Поседелые стены башен
Бороздит неоновый тик...

Не мое, не твое, не наше...
. . . .

Саван топкий, бескрайный, укладчивый.
Синий с золотом неба холст.
Вечер сплыл, студеный и вкрадчивый,
За сугроб за каждый заполз
И заснул. И под звездной прошвой
Тишина — заклятьем для губ.
И мороз. И под чьей-то подошвой
Где-то робкое
хруп... хруп...

Не забыть, не оставить в прошлом...
. . . .

Неизбывен Твой образ. И душен
Мир — с мечтою, осевшей на дно.
Клясть Тебя иль любить? — Равнодушной
Только быть не дано...

Никаких не дано отдушин!..
. . . .

Сбросить память-тягу с плеча,
Распродать толпе у киоска,
Иль —
сгореть за Тебя, как свеча,
До последней капельки воска.

ГРИБНАЯ БАЛЛАДА

1.

На барометре переменно,
Будильник вытрещал пять.
Надо встать непременно,
Трудно, но надо встать.

Времени проспанный лишек
По полю наверстав,
Обогнать баварских мальчишек
На моих на грибных местах.

Все сны они мне измаячили —
Тропки в хрусткую тишь!
Это — как на свиданье назначенное,
Так же вот спешишь.

— Гриб!
Он уж где-то под елкой,
Незаметно, как крот,
Наст пробуровив колкий,
Выглядывает и ждет...

Ножик, корзинка... трогаю!
Поговорим дорогою.

2.

Бр-р, как свежо! За облаком
Низкое солнце не в счет.
По телеграфным проволокам
Щебет течет и щелк.

Это — на юг маршруты
Обсуживают стрижи,
Желтый, ветром поддутый
Лист впереди бежит...

— Осень!
Скажу по совести:
Здешних ландшафтов фас,
Как бессюжетные повести,
Не увлекает вас...

Край чешуйчатых кровель!
Но осень в этом краю
Очень похожа в профиль
На северную, мою.

Ну, теперь мокрым лугом — и
Вот и опушка с буками!

3.

Сколько же пади! Звону-то!
Росной дрожащей блесны,
И паутинкою тронуты
Колкие лапки сосны,

А над лесной над дорожкой
Сизая, хрупкая ясь
Первой солнечной крошкой
Там и здесь облилась.

Эти листвяные замети,
Шорохи, звоны, грусть.
В них встревоженной памятью,
Как в родное, смотрюсь.

Уж не родные ли дали
Жалобу милых губ
В эту вот прель вшептали,
В этот звенящий хруп?...

Лирику впрочем побоку —
Не прозевать бы тропку!

4.

. . . .

Ух, стало солнце размаривать!
Корзинка тянет — беда!
Умеют грибы разговаривать?
Я думаю — да.

Этот вот, как ведь никнул
Шляпкою в хвойный шлак!
Наверное, он мне крикнул,
А то бы мимо прошла.

Или вон тот, смуглым саженцем
В мшистые врос зеленя, —
Он подмигнул мне, кажется:
— Вот, мол, он — я!

Плечи и грудь на выкате,
Нежностью красок — севр...
Экий красавец выкатил!
Чей, скажите, шедевр?

Как бесконечна тайна,
Того, Кем всё это изваяно?

5.

Мухомор партизанит в ельнике,
Силу взял...
Из-за тебя, бездельника,
Исцарапалась вся.

Самая, брат, пора пинку, —
Кайся, на помощь зови!
Впрочем, за то, что ты в крапинку,
Не сплошь красный, — живи!

Такие же вот, только карие,
Мухомористые на взгляд,
Хозяева давеча жарили —
Вкусные, говорят...

За кружевными сосёнками
Что-то желтеет вразброс —
Пенек замшелый опенками,
Как бородой, оброс.

Что же, как говорится:
Нож есть,
пожалуйте бриться!

6.

Страшен ты, братец, очень,
«Чортов гриб»,
рыж, как рысь.
Не выйдет, не обморочишь, —
Брысь! !

. . . .

Хвойная просека-улица,
Влажная, топкая хрусть.
Кто это там маскируется?
Неужто — груздь?

Ну, полезай в лукошко,
Соскучился в немцах, чай?
Дай-ка подрежу ножиком:
Может, ты — молочай?

Ножик — он не обманет.
Верно, груздь: сух и крут.
У нас бы тебя — в сметане,
Здесь — не берут...

Разный, брат, вкус человеку дан.
Вишь ты: и класть тебя некуда!

7.

Привал. Пригорок пригрело. —
Чуть слышным струит парком.
В кучу грузди и белые
Ссыпаны кувырком.

Теперь — уложить попригляднее,
Повыскоблив добела,
Завидней чтоб и наряднее
Корзина моя была...

. . . .

Какая полянка! Розовый
Вереск и влажный мох,
Ветер в косах березовых
Вздувает переполох,

Солнцем вся запорошена,
Хрупкой веснушкой листа...
Какая полянка хорошая!
Словно бы — наши места.

У нас по лесным по выделам
Такие полянки видела...

8.

И кажется: там, за лесом,
Истаяли ребра гор,
Под голубым навесом —
Бескрайный вылег простор,

И режа луга дугою,
В обрывах, в кустах лозняка,
В лиловую даль уходит
Сверкающая река.

Ветер россыпью росной
Играет, травы креня,
В воздухе только сосны
Да жаворонки звенят...

. . . .

Было все это? Так ли?
— Срок пробежал велик —
Сосны смолкою плакали
(не провожали ли?),

И на чешуйчатом цоколе
Белки пушистые цокали...

. . . .

9.

Лирическому бы ладу
Вовек не услышать «стоп»,
Да скажут: хотела балладу,
А вышло — так, ни про что.

А может быть всё-таки вышло?
— Про то, как — та и не та —
Знакомым приветом дышит
Чужая нам красота.

Про то, как с разлукой в паре,
Которую не избыть,
Чудесно в лесах Баварии
Смоленские брать грибы,

Распутывать хрусткие тропы,
По балкам искать ключи,
Родные угадывать шопоты
И слушать, как сердце стучит,

Как брагой вскипает, бродит в нем
Горячее слово —
Родина!

ОГЛАВЛЕНИЕ